

С.Н. Корсаков

Конец эпохи Нового времени?

Аннотация. В статье ставится вопрос о критериях перехода от одной исторической эпохи к другой. В качестве определяющего критерия предлагается диагностирование ситуации, когда основные идеи исторического типа мышления данной эпохи, ранее составлявшие связную систему, входят друг с другом в непримиримые противоречия. Выдвинутое положение иллюстрируется на материале современности, в связи с чем обсуждается вопрос о противоречиях и исторических границах эпохи Нового времени и основных трендах, ведущих в «новую реальность».

Ключевые слова: глобализация, ментальность, историческая эпоха, капитализм, природа человека, свобода, транснациональные корпорации

Еще совсем недавно, в течение последних двадцати лет новая стадия мировой истории определялась через понятие «глобализация». Но философы и ученые так и не пришли к единому пониманию ни по вопросу о моменте начала процесса глобализации (то ли с начала мировой истории, то ли в Новое время, то ли в конце XIX века, то ли после Второй мировой войны, то ли на рубеже XXI века), ни о том, в чём суть этого процесса, – то ли это объективный исторический процесс, то ли это политика глобального доминирования мировых субъектов. Дискурс глобализации велся в ретроспективе и перспективе нескольких веков, прошедших и предстоящих, но те изменения, которые произошли в мире всего за двадцать лет, связанные с глобальным экономическим кризисом и с геополитическим противостоянием, отодвинули этот дискурс в сторону. Между тем осознание наступления новой эпохи в развитии человеческого общества не только не ослабло, но обострилось.

И как раз дело философов заключается в том, чтобы определить, в чём будет её суть.

Диалектическое понимание всемирного процесса перехода от одной глобальной исторической эпохи к другой позволяет говорить о следующей закономерности: верным признаком смены эпох является ситуация, при которой основные ценности заканчивающейся эпохи, определяющие понимание места человека в мире, которые до этого работали в системе, усиливая воздействие друг друга на общественный процесс, начинают вдруг входить между собой в непримиримые противоречия. В этом случае генеральная идея новой эпохи выступает как разрешение этих противоречий и тем самым определяет характер будущего развития.

Не углубляясь специально в исторические обоснования, мы можем пунктирно проследить действия указанной закономерности на известных нам переходах от одной исторической эпохи к другой (античность, Средневековье, Возрождение, Новое время).

Мы знаем, что ментальность античной эпохи была космоцентричной и человек в античности мыслился как микрокосм, структурно подобный, как то показал А.Ф. Лосев, глобальному макрокосму. Полис для античного человека был социальным измерением космоса, причастность к которому и учреждала его как человека, как аристотелевское «политическое животное». Кризис полиса, ставший результатом успешного развития рабовладельческих производительных сил, привел одновременно к усугублению социальных различий и к размыванию социально-классовых граней классической античности. *Идея микрокосмичности человека*, его фундаментальной причастности мирозданию, вошла в непримиримое противоречие с *идеей человека как «политического животного»*, исключавшей из человеческого рода большинство населения. Античная эпоха как тип человеческого развития исчерпала себя, и свидетельством ее надлома стала эллинистическая идея «человека вообще», первоначально выдвинутая еще киниками. Идеей «человека вообще» намечен был путь разрешения указанного противоречия, само же разрешение противоречия было возможно только на новой эпохально-исторической основе, через выход из космоцентрической замкнутости.

Появление христианства потому стало мировоззренческой революцией и основой ментальности Средневековой эпохи, что дало человечеству принципиально иное понимание мира

и человека. Идея бесконечного бога-творца сломала скорлупу макрокосма, а всякий человек обретал теперь причастность реальности через свою тварность и богоподобность. И вновь кризис эпохи наступил, когда производимый на феодальной социально-экономической основе прибавочный продукт превысил меру разумности социального антагонизма данной эпохи, когда появились общественные силы, накопившие могущество изменить свое положение, изменив общественный порядок. Социальные изменения преломляются в сфере исторической ментальности, которая в ситуации кризиса приобретает роль активатора исторического перехода. В Позднем Средневековье *идея человека как тварного существа и идея человека как образа и подобия божьего*, которые на протяжении всей средневековой истории «работали в паре», усиливая и укрепляя средневековую ментальность, входят в непримиримое противоречие. Вновь философско-мировоззренческое понимание человека становится тем пунктом, в котором зреет переход к следующей исторической эпохе.

Человек в ментальности Возрождения выходит на первый план в картине реальности, разделяет с богом атрибут бесконечности, разрастается до масштабов мира и приравнивается к богу, соревнуясь с последним в творческой деятельности. В этом новом понимании места человека в мире – источник величайших прорывов в физическом и духовном пространстве человеческого развития. Возвысившись в собственных глазах, человек универсально действует в мире. Но само это универсальное действие подводит человека к тому, чтобы начать пересоздавать мир. Ренессансная всеохватность не может помыслить мир как объект, подлежащий преобразованию. Не случайно наука Возрождения пропитана религиозно-художественными образами и не фиксирует субъект-объектную грань. Историческая необходимость перехода от раннебуржуазного господства торгового капитала к промышленному перевороту не может совершиться при сохранении того целостного видения реальности, которое Возрождение унаследовало от античности и Средневековья и в котором человек мыслил себя всегда в связи с некоторой внешней инстанцией. Революция в понимании мира совершается благодаря появлению принципиально нового понимания человека. *Идея универсальности человека и идея уникальности человека* не могут далее сосуществовать на ренессансной осно-

ве. Расширяющийся ренессансный великан должен найти точку опоры, чтоб удержать себя и мир.

С переходом к Новому времени назревшее в эпоху Ренессанса противоречие между идеями человеческой универсальности и человеческой уникальности разрешается, когда паскалевский «мыслящий тростник» начинает исходить исключительно из самого себя, сам становится индивидуальным центром бесконечности, «отрубает голову» богу, а мир превращает в объект технологического конструирования. Когда же человеческая индивидуальность в период Просвещения укореняет себя в идее естественной природы человека, открывается простор для развертывания социально-атомистского сообщества, осваивающего окружающую среду в промышленных масштабах.

Внутренние противоречия такого типа социума были проанализированы Марксом, который показал, что результатом их действия по мере раскрытия возможностей капитализма станет его самоотрицание. История человечества в марксовом смысле начнется тогда, когда человечество перейдет от стихийного развития к сознательно регулируемому самоуправлению. Дискуссионным всегда оставался вопрос о критериях определения той самой меры, о том, продолжают ли противоречия капиталистического общества приводить к освоению новых возможностей развития, либо же степень их антагонистичности стала несовместимой с продолжением жизни человечества в рамках исторической эпохи Нового времени. Поставленный вопрос имеет значение не только в контексте марксистского понимания общественного развития, но и в целом при определении того, наступает ли в наше время новая эпоха в истории человечества либо же происходит очередная модификация ноевропейского типа социума в масштабах всей планеты.

Свою роль в прояснении смысла современного исторического поворота, конечно, могут сыграть социально-экономические выкладки и их детальный анализ. Но у нас есть иные, более общие – философские – средства диагностики. Применяя диалектический подход к истории человечества, мы можем поставить тот же вопрос, который позволил нам проследить логику смены исторических эпох. Пришли ли в настоящий момент основополагающие идеи эпохи Нового времени, определяющие саму ее суть на уровне отношения человека к миру и бывшие во внутренней теснейшей связи между собой, – пришли ли они теперь

в неразрешимое противоречие? Если это можно диагностировать, значит, наступило «время решающих перемен»¹ и наступил «звездный час» философии², которая только одна и может выявить направленность развития из анализа наличного типа исторической ментальности эпохи.

Выдвинутая просветителями философская идея естественной природы человека не только санкционировала революционное преобразование феодально-сословного общества, но и находится в фундаменте концепции прав человека, демократии и либерального общественного устройства, которая в годы Великой французской революции нашла манифестное выражение в триаде – свобода, равенство и братство. Весь этот комплекс идей называется теперь «европейскими ценностями», где каждая из них страхует и подпитывает остальные.

Что же мы наблюдаем в последнее время в качестве последовательно разворачивающегося общественного тренда? Налицо все большее увлечение установкой на «улучшение» человеческой природы. Широко обсуждается идея подвижных «границ» этой самой природы – как в отношении живущих, так и тех, кто должен появиться на свет. В обоих случаях доминирует конструктивистская позиция потребительского выбора того или иного набора желательных генотипических и фенотипических характеристик. При этом не предполагается, что когда-нибудь выбор может стать окончательным, но напротив, подчеркивается перспектива гибкости человеческой природы, например, в отношении такой ее фундаментальной характеристики, как половая принадлежность, которая должна мыслиться как «текучий пол». Природа человеческого индивида мыслится как объект переконструирования сначала по выбору его родителей, а потом его самого. В этом реализуется свобода выбора, причем реализуется противоречиво, через различие между исходной основой и волей родителей, затем через конфликт выбора индивида с реализованной волей родителей, далее через множественные неудовлетворенности индивида собственным выбором и его недовольством обществом,

¹ Фролов И.Т. Время решающих перемен: коренной поворот в ускорении научно-технического прогресса: социально-философские и гуманистические проблемы // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 3–18.

² См.: Фролов И.Т. Перестройка: философский смысл и человеческое предназначение: лекция, прочитанная в Брайтоне перед участниками XVIII Всемирного философского конгресса // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 19–23.

неявно навязавшим ему то или иное предпочтение в выборе. Меняя и отбрасывая свои Я, индивид реализует безграничность свободы, становясь бесконечным ускользанием.

Идея свободы вошла ныне в непримиримое противоречие с идеей естественной природы человека. При этом не осознается, что, если вынуть из всей системы новоевропейской цивилизации основание в виде идеи естественной природы человека, утратит свою санкцию идея прав человека, а отсюда – и идеи демократии и либерально-атомарного общественного устройства. Собственно, все перечисленные последними идеи потому и оказались ныне в зоне глобального кризиса доверия, что дезавуируются на наших глазах направленностью развития общества, их породившего.

Названные идеи имеют для новоевропейского типа общественного развития приоритетный характер, но кризис социально-ментального согласия системно включает в свою орбиту и прочие «европейские ценности».

В непримиримое противоречие вошли между собой идеи свободы и равенства. Ведущий общественный тренд общества-наследника Нового времени – это обеспечение преимущественных прав различных меньшинств. При этом речь идет не о снятии каких-то правовых ограничений, которых в обществе равных прав просто не существует, а именно о приобретении отдельными индивидами дополнительных прав в качестве представителей группы. К примеру, в 2021 г. Федеральная комиссия по ценным бумагам и биржам США одобрила предложение обязать компании, акции которых обращаются на электронной бирже Nasdaq, включать в состав совета директоров как минимум одну женщину, одного представителя этнического меньшинства и одного представителя ЛГБТ-сообщества. Фирмам, не соблюдающим новые правила, надлежит публично разъяснить, почему они так поступили, в противном случае им может грозить прекращение обращения их акций на бирже. Nasdaq относится к крупнейшим фондовым биржам, специализирующимся на акциях высокотехнологичных компаний (производство электроники, программного обеспечения и т.п.). Из российских компаний, зарегистрированных на Nasdaq, можно назвать, например, всем известный Яндекс. В атомарно-либеральной модели социума все равны перед законом как индивиды, а не как представители группы, интересы которой лоббируются. Показательно, что Советский Союз,

который декларировал преимущественное развитие в условиях социализма социальных групп, не имевших к тому ранее достаточных возможностей, не шел в этом вопросе на дисбаланс юридических прав индивидов. Тем более в либеральном обществе нет оснований вводить какие-либо нормативные ограничения, проистекающие из групповой принадлежности. Если во имя достижения равенства представителей отдельных групп с прочими членами социума вводятся подобные ограничения и эта тенденция идет по нарастающей, это означает изменение оснований, которыми легитимируется новоевропейское общественное устройство, и ставит под угрозу саму идею свободного, правоспособного индивида.

Есть еще один аспект несовместимости идей равенства и свободы в современном западном обществе, связанный с только что затронутым. Произошла инверсия общественного права индивида на эмансипацию личного пространства, завоеванная буржуазным обществом в многовековой борьбе и с католической церковью, и с порядками пуританских общин. Только к XX веку удалось добиться того, чтобы сексуальная жизнь индивида стала элементом исключительно его личного пространства, который, в принципе, не выносится в публичную сферу и не подлежит регулированию в ней. Современная ситуация, связанная с целой индустрией общественных кампаний различных «месяцев гордости», проводимых на официальной основе, в том числе в высших учебных заведениях, публичными дискуссиями, где «не боятся сказать» о деталях сексуального поведения, переводит сторону жизни, которая, в принципе, не подлежит никакому обсуждению, в материал для удостоверения идеологической благонадежности. Политика равенства прав множащихся меньшинств поглощает пространство индивидуальной свободы.

В отношении кризиса идеи братства даже нет необходимости в детальной аргументации, ибо острейшие ее противоречия с идеями свободы и равенства доминируют в западной политической повестке и определяют смену предвыборных предпочтений. Провал политики мультикультурализма, сегментация городской и пригородной среды по этническим локусам, культурное измерение миграционного кризиса, «критическая расовая теория», ставшая «материальной силой» – свидетельствуют с наглядностью о тугом узле неразрешимых противоречий, сдавливающем судьбу множества конкретных людей. В международ-

ном масштабе современная «критическая» версия идеи братства несет не «мир хижинам», а создает новые очаги сецессий в ранее мирно живших многонациональных государствах. Говоря о перспективах, можно лишь заметить, что, когда во имя равенства скидывают памятники основателям государства свободы, торжество братства может похоронить само государственное единство социума.

Таким образом, по крайней мере на уровне гипотезы, можно утверждать, что современной стадии общества, начавшего свой путь в XVII веке, присущи те же рассогласования общественно-ментальной системы, что и позднему эллинизму, «осени Средневековья» и раннему Новому времени.

Почему система ментальных принципов классического Нового времени к XXI веку заквасилась противоречиями? Понять это можно, спустившись с уровня анализа динамики исторических типов мышления к уровню социально-классовой основы этой динамики. Мы вновь возвращаемся к вопросу о способе существования современного, то есть новоевропейского исторического типа общества, его возможностях и пределах. Он, как и все в мироздании, не вечен, и пределы его развития заключены в предельном развитии его возможностей.

Упомянутая выше мысль Маркса о присущем капитализму фундаментальном противоречии между растущей универсализацией развития и стихийным его характером сохраняет свое значение и сегодня. Маркс полагал, что именно неспособность поставить предельно развившееся содержание под сознательный самоконтроль приведет капитализм к революционному самоотрицанию и ликвидации всего исторического строя частной собственности. Но ведь из этой научной констатации можно сделать и иной практический вывод. Почему бы не попытаться сохранить ядро строя частной собственности в отношении элиты глобального капитала, трансформировав общество в мировом масштабе таким образом, чтобы, минимизируя неизбежно вытекающую из фактора частного интереса конкурентную борьбу, на в целом прежней социальной основе взять социальную эволюцию планетарной цивилизации под сознательный контроль и регулирование. Надо же было чему-то у Маркса научиться его классовым противникам.

Неслучайно, например, большим поклонником Маркса является идеолог деиндустриализации и депопуляции Жак Аттали,

бывший президент Европейского банка реконструкции и развития, считающий, что демократия – это наилучшая политическая система, торговый строй – двигатель прогресса, всемогущество денег – самый справедливый порядок правления. Маркс действительно был провозвестником процесса глобализации, который он называл интернационализацией, но исходил, конечно, из иных политических приоритетов. По Марксу, капитализм устроен так, что не может не производить прибыль, ради этого он производит товары, а для производства товаров он вынужден производить «своего могильщика» – пролетариат. Поскольку капитализм находится в «предыстории человечества» и потому развивается стихийно, он должен прийти к самоотрицанию.

Попытка взять под контроль социальную эволюцию, *не выходя за рамки строя частной собственности*, должна иметь обратную логику. Производство прибыли не должно с необходимостью воплощаться в производстве товаров, а обеспечиваться иными, спекулятивными и виртуальными механизмами. Уменьшение производства товаров реализуется как политика деиндустриализации. В центре современной мировой повестки – алармистская постановка проблемы климата и продвижение «зеленой энергетики». Они становятся инструментами, посредством которых и реализуется деиндустриализация в интересах транснациональных корпораций.

Меньше индустрии – меньше рабочего класса. Но уменьшение производства товаров означает и сокращение возможностей потребления для растущего человечества. Деиндустриализация с необходимостью предполагает депопуляцию. Собственно, эту идейную связку обосновывал уже А. Печчеи, первый президент Римского клуба. Комплекс глобальных проблем А. Печчеи предлагал решать, юридически ограничивая «допустимый уровень размножения»; он призывал покончить с «нынешней практикой, при которой каждая страна самолично определяет свою демографическую политику»³. Призывая подвергнуть непослушные страны «международному осуждению, а возможно, и другим мерам наказания»⁴, А. Печчеи вдруг начисто забывал о ненасилии – одном из главных принципов, продекларированных в его концепции. Характерно, что среди идеологов, обсуждающих ныне позитивную сторону депопуляции, – Ж. Аттали, Б. Гейтс, а в России –

³ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 281.

⁴ Там же. С. 281–282.

А. Чубайс. Игнорирование национального уровня принятия демографических решений чревато тоталитаризмом планетарного масштаба, прикрытым гуманистическими декларациями⁵.

Модификация капитализма, связанная с попыткой взять под контроль социальную эволюцию посредством деиндустриализации и депопуляции, должна предполагать и третий компонент, получивший в литературе наименование «цифрового концлагеря». Эта проблема обсуждалась в том числе и в ходе Фроловских чтений последних лет⁶, поэтому нет необходимости на ней специально останавливаться. Важно отметить общую логику направленности данного социального тренда. Переход власти в мире от национальных государств к транснациональным корпорациям не может не сопровождаться резким ростом нормативно обоснованного вмешательства мировых наднациональных структур и усилением электронных мер контроля за индивидами в том числе потому, что такая перестройка отношений собственности связана с ликвидацией государственных гарантий владения средней и мелкой собственностью, то есть, по существу, с глобальной пролетаризацией так называемого «среднего класса».

Особенностью современной исторической трансформации является то, что попытка поставить под контроль социальную эволюцию сопровождается попыткой поставить под контроль и эволюцию биологическую, главным образом – антропологическую. Человечество пытается поставить под свой контроль биологическую эволюцию своего вида. Человек интерпретирует идею свободы как возможность свободно менять свою природу. Сказанное возвращает нас и к рассмотренной выше коллизии идеи свободы с идеей естественной природы человека, связанной с неизбежной ревизией идей прав человека и демократии.

Проблематика «улучшения» человека, полемики вокруг претензий трансгуманизма и иных аспектов тугого узла современных биолого-антропологических и биоэтических проблем имеет уже огромную литературу. Напомним в связи с этим только неустаревающую мысль академика И.Т. Фролова об опасности тех-

⁵ Фролова М.И. Глобальный гуманизм Аурелио Печчеи // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. М.: Канон+, 2022. С. 458.

⁶ См., например: Гнатик Е.Н. Мир в эпоху одержимости безопасностью: риски, ограничения, возможности // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. М.: Канон+, 2022. С. 261–273.

нократизма, своего рода «научного самомнения», которое толкает ученых и политиков принять наличный уровень развития наук за достаточный для вмешательства в устои природы⁷. Столь же актуальна и еще одна идея И.Т. Фролова – о том, что избавление человека от груза патогенных мутаций может негативно сказаться на работе генов, коррелятивно связанных с патогенными, и вообще привести к снижению генетического разнообразия вида «человек»⁸. Те, кто надеются получить некий «улучшенный» вариант постчеловека, хотя бы в виде собственных потомков, не учитывают многообразие и сложность корреляционных связей отдельных «предпочтительных» генотипических, фенотипических и психологических характеристик с «нежелательными», а в выборе «своих» предпочтений зависят от стихийно циркулирующих в массовом обществе идеальных образов человека.

Обе тенденции управления эволюцией – социальной и биологической – развиваются взаимосвязанно и имеют много проблемных точек соприкосновения (пандемийные ограничения, чипизация, подготовка человека к жизни в «цифровом концлагере», тематика прав меньшинств и пр.). Взаимосвязь эта не только внешняя, но имеет социально-экономическую основу. Правящие миром транснациональные корпорации заинтересованы в максимуме прибыли, а поэтому в беспрепятственном продвижении своих товаров по всему миру, в том, чтобы превратить мир в глобальную биржу труда и глобальный супермаркет и устранить все национальные, религиозные и культурные ограничения и предпочтения, мешающие продажам. Для этого нужно дискредитировать национальные, религиозные и культурные ценности и заменить те правительства, которые защищают социальное законодательство своих стран и свои традиционные ценности. Последние тридцать лет мы наблюдаем эту политику. Важным средством подрыва национальной, религиозной и культурной идентичности является опора на национальные меньшинства и привлечение в высоко- и среднеразвитые страны мигрантов – людей, вырванных из своей культуры и не желающих осваивать культуру этих стран. Они оказываются вне системы

⁷ Фролов И.Т. «Я» в современном мире // Философские беседы с академиком И.Т. Фроловым. под. ред. Г.Л. Белкиной; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2020. С. 284.

⁸ Там же. С. 241.

норм и становятся агрессивной силой, ударным отрядом разрушения традиционной системы ценностей.

Лидирующие позиции среди транснациональных корпораций занимают биомедицинские, фармацевтические корпорации, которые находятся на острие научно-технического прогресса. Они заинтересованы в максимальных вложениях капитала в свой бизнес, в максимизации в своих целях государственных средств и капиталов частных лиц. Для этого необходимо превратить население высоко- и среднеразвитых стран в пожизненных потребителей продукции этих транснациональных корпораций. С целью подрыва естественной антропологической и половой идентичности человека продвигается идеология трансгуманизма и перманентной смены «гендера».

Смена антропологической, половой, национальной, религиозной и культурной идентичности – противоестественна, вызывает инстинктивное сопротивление у людей. Поэтому в глобальном масштабе организуется изменение социальной среды и создается ситуация общественного давления на индивида. Стратегия переформатирования образа жизни людей реализуется поэтапно, в течение нескольких десятилетий. Вначале ею затронуты в основном интеллектуалы и культурная элита, а также молодые образованные и обеспеченные слои населения. Прежде всего, традиционные антропологические, половые, национальные, религиозные и культурные ценности проблематизируются, превращаются в предмет дискуссии и критики. Решающую роль в деконструкции ценностей играют философы и социологи. Далее гендерная повестка легитимируется в системе академической науки и высшего образования. Основной целью здесь является подготовка нового поколения интеллектуалов – активных пропагандистов идеологии смены идентичностей в качестве лидеров общественного мнения. Затем в процесс смены идентичностей вовлекается все общество. В обществе провозглашается альтернативный характер базовых видов идентичности людей и предлагается свободный выбор в пользу более привлекательных вариантов идентичности, которые продвигаются по законам маркетинговых технологий. Меняется окружающая человека культурно-бытовая среда, основные культурные модели поведения. Наконец, происходит трансформация политической системы, которая становится инструментом насильственного внедрения идео-

логии смены антропологической, половой, национальной, религиозной и культурной идентичностей как в своих странах, так и по всему миру. Такая политическая система более эффективно обеспечивает приток капиталов на нужды биомедицинских фармацевтических транснациональных корпораций. Создание соответствующей общественной поддержки позволяет оказывать влияние на парламентские механизмы распределения бюджетных средств. Затраты корпораций на создание привлекательной культурной «упаковки» и покупку политиков сторицей возмещаются. Последний пример: одними из главных спонсоров кампании Байдена стали медиа-корпорации Alphabet (куда входит Google), Microsoft, Amazon, Facebook и Apple и фарм-корпорации Big Pharma. Причем одни и те же теневые люди владеют Большой Фармой и Медиа.

Развитые западные страны «первого мира» прошли все обозначенные выше стадии в течение сорока последних лет. В отношении среднеразвитых стран так называемого «второго мира» стратегия деконструкции традиционных ценностей реализуется с большими трудностями. В этих странах сильные позиции продолжают занимать идеологии, несовместимые с навязанной сменой идентичности: традиционные мировые религии и коммунистическая идеология советского образца. Вместе с тем Россия и другие страны бывшего социалистического лагеря и постсоветского пространства представляют собой огромный рынок, потребность в освоении которого будет возрастать по мере использования на нужды транснациональных корпораций государственных и общественных средств развитых стран Запада. Устранение политических структур этих стран, открыто объявивших о защите традиционных ценностей, может открыть быстрый и удобный путь для продвижения на постсоветский рынок инфраструктуры биомедицинских транснациональных корпораций. Основное внимание в рамках стратегии смены режимов поэтому уделяется финансированию молодежного политического протеста и активной финансовой и структурной поддержке ведущих групп интеллектуалов, прежде всего, философов и социологов. В российских высших учебных заведениях есть профессора философии и социологии, занятые подготовкой кадров «гендерных исследователей» и находящиеся на пожизненном содержании у фармацевтических транснациональных корпораций, например корпорации

NovartisInternational AG, второго по размерам рыночной доли в Европе производителя фармацевтических препаратов. Для транснациональных корпораций это хорошее вложение капитала; огрубляя, можно сказать: купите пару десятков философов в стране и через двадцать лет парламентская фракция будет лоббировать ваши интересы. Философы формулируют гендерную и ЛГБТ повестку и формируют в этом духе образованную и активную часть молодежи через внедрение соответствующих ценностей в академическую науку и высшее образование. Значительная часть молодых антиправительственных активистов в России воспитаны на постмодернистской философии и входят в разного рода сообщества по защите ЛГБТ. Поэтому именно философы становятся тем ферментом брожения, который непосредственно соединяет культурную деконструкцию и политический протест.

В современном российском, да и мировом философском контексте, три фигуры философов XX века выступают как культовые: Фуко, Витгенштейн и Хайдеггер. Можно в каждом из этих случаев проанализировать причины актуализации, но мы, вероятно, не ошибемся, если предположим, что суть именно в том, что каждый из философов по-своему выразил кризис ценностных оснований эпохи Нового времени. Особенно наглядно это видно на примере Фуко. Можно без преувеличения сказать, что вся современная общественно-политическая повестка прав меньшинств вышла из текстов Фуко. Такова роль философии в культуре и сила философских идей, выражающих интересы ведущих социальных сил и указывающая фарватер течения исторического времени. В этом случае идеи философов операционализируют социологи и политологи, «разжевывают» журналисты и прокламируют и используют политики и бизнесмены. Идеи Фуко – это уже не критическая «диалектика Просвещения», это поистине самоотрицание общества Нового времени как репрессивного «дисциплинарного порядка». Если в теории «открытого общества» «предшественниками ГУЛАГа» были выставлены Платон и Гегель, то в фукольдианстве как интеллектуальном движении таковым будет новоевропейская ментальность как таковая. Философская санкция на нормализацию любых отклонений от природы человека создает новую социальную стратификацию, выходящую за рамки общества Нового времени и расстающегося с ним. В подобном расставании – суть общественной революции

современности, сопоставимой с концом эллинистического мира или переходом к Модерну.

Революционный субъект нового перехода очевиден – активисты групп меньшинств. В этом субъекте присутствует и левая струя, наследующая некоторые интеллектуальные формы марксизма. Но следует сразу же сказать, что риторика европейских и американских консерваторов по поводу лево-либеральной опасности бьет мимо цели. Опасности именно левой, социалистически направленной революции в современном мире нет, потому что за последние полвека произошла ревизия революционного субъекта. Корень ревизии в теории революционного субъекта в интерсекциональной версии социального угнетения, которая «утверждает относительность различных форм угнетения и своеобразное равноправие соответствующих форм борьбы с угнетением, как-то: гендерных, классовых, расовых и других»⁹. Структуралистская интерпретация марксизма 1960–1980-х гг. осуществила прививку западному марксизму идеи «смерти человека», а постструктуралистский мейнстрим западного марксизма первых двух десятилетий XXI века стал «концептуальным основанием для понимания природы индивида как совокупности неопределённого числа идентичностей – социальных конструктов, принимаемых самим индивидом»¹⁰. Интерсекционизм таким образом стал формой приобщения марксистского дискурса к либеральной толерантности и инклюзивности. Он создает иллюзию расширения фронта борьбы с угнетением при обезвреживании ударной силы революционной теории. Сила удара теории, «овладевшей массами», заключалась в том, что каждый из сегментов угнетенной массы занимал в борьбе свое место: рабочий класс – ведущее, а женские, национально-освободительные, экологические и пр. движения – соподчиненные. Соответствующей была структура освободительного движения, лидером которого мыслилась партия «нового типа». Ударный кулак ныне сменился растопыренной пятерней, что не только не противоречит интересам глобального капитала, но и используется им как поддержка в решении собственных политических задач. На пути отказа от интерсекционизма поставлена идеологическая блоки-

⁹ Шулико Г.А. Человек и (пост)капитализм: от неомарксизма к левому акселерационизму // Восьмой Российский философский конгресс: «Философия в полицентричном мире». «Круглые столы». М.: «Логос», 2020. С. 553.

¹⁰ Там же. С. 553.

ровка в виде приоритетности борьбы с мифологизированным персонажем: «белым гетеросексуальным мужчиной-собственником»¹¹. Такой кастрированный марксизм неспособен к интеллектуально-политической гегемонии. Вообще, ограниченность всех реинкарнаций западного марксизма была и остается в том, что они ищут истину марксизма не в нем самом, а в его спаривании с какой-нибудь иной философией: от Спинозы до Делеза. Поэтому западный марксизм так и остался на интеллектуальной периферии западной философии, не смог предъявить собственного ответа на мировые вопросы. И ныне марксистской фразеологией оформляется либеральная по своему происхождению и направленности идейная платформа инклюзивности, что является историческим недоразумением. Основоположники, «сексистски» иронизировавшие в переписке между собой по поводу политических притязаний сексуальных меньшинств¹², в очередной раз, будь они живы, вынуждены были бы произнести сакраментальную фразу: если так, «то я не марксист»¹³.

Мы, видимо, находимся на самом пороге новой исторической эпохи. Складывание ее – объективный процесс, в отношении которого философия выступает одновременно в роли диагноста и целеуказателя. Философский анализ не только проясняет, но может мотивировать и мобилизовывать. Первый долг философов: понять, как развились противоречия, вызвавшие исторический перелом, почему они дошли до этой стадии, на которой мы сегодня находимся, и какой может стать основная идея новой эпохи в отношении понимания человека и его места в мире.

¹¹ Шрничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 112.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 32. С. 260.

¹³ Там же. С. 370.